

ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ

Публикация М. А лексеева

Встречи Томаса *Карлейля* (Carlyle, 1795—1881), известного английского историка и философа, с русскими людьми были многочисленны и разнообразны. Одним из наиболее интересных собеседников Карлейля был Герцен, познакомившийся с ним в первый же год своей лондонской жизни. Инициатива знакомства принадлежала Карлейлю.

Когда Герцен приехал 25 августа 1852 г. в Лондон, Карлейль находился в Германии. Узнав, что автор «С того берега» в Лондоне, Карлейль просил свою жену, Джейн Уэлш Карлейль, тотчас же оказать ему гостеприимство. Об этом мы узнаем из следующего сообщения в письме Герцена к М. К. Рейхель от 14 сентября 1852 г.:

«Сегодня я приглашен к М^{гс} Карлейль (жена автора, вы знаете его „Историю революции“, его самого нет, он очень любит мой „Von anderen Ufer“); он хотел со мной познакомиться. Жена приглашает за него» (см. ниже в наст. томе).

По возвращении из Германии Карлейль не замедлил лично познакомиться с Герценом. Свидание произошло в лондонском доме Карлейля 20 декабря 1852 г. Об этом мы узнаем из другого письма Герцена к М. К. Рейхель. 23 декабря Герцен писал своей корреспондентке:

«Я третьего дня весь вечер просидел у Карлейля. Он совершенно то, что мы знали, читая его „Историю революции“; талантливость, касающаяся гениальности, парадоксы, смелость суждений и un grain de folie*. Я спорил с ним страшно, его grain de folie, что деспотизм спасет мир и *повиновение* приведет к социализму. Я, наконец, ему сказал: „Читали ли вы когда-нибудь „Историю революции“ Карлейля? Вот писатель, который гораздо лучше и глубже понимает, нежели вы“. Из этого произошел смех...» (см. ниже в настоящем томе).

Еще одно сообщение о состоявшемся знакомстве находим в письме к Карлу Фогту от 5 апреля 1853 г.

«Не помню, писал ли я вам, — сообщал Герцен в этом письме, — что познакомился с Карлейлем, автором „Истории французской революции“? Это — человек таланта громадного, но чересчур парадоксальный; его называют шотландским Прудоном» (VII, 204, пер. с франц.).

В нашем распоряжении есть документ, свидетельствующий, что личное общение обоих писателей продолжалось и в следующем, 1853 году. В альбоме Н. Н. Петровой-Званцевой (ЦГЛА) сохранилась следующая, еще не опубликованная, автографическая записка Карлейля Герцену от 11 июля 1853 г. (Лондон, Chelsea):

«My dear Sir. I am sorry, I saw no more of you: if your steps ever tend this way,—in the evening, at about 3 p. m.,—I should be well pleased with another meeting. Yours very sincerely. T. Carlyle**».

В последующие годы Герцен и в своих частных письмах, и в печати неоднократно упоминал о Карлейле и своих с ним спорах. Едва ли, однако, встречи Герцена с Карлейлем, начиная со второй половины 1850-х гг., были особенно часты, но их общение, несомненно, продолжалось, как продолжались и их споры. Вероятно, именно Герцен представлял Карлейлю некоторых русских путешественников, приезжавших в Лондон. С иными из них продолжались те же споры. Здесь, прежде всего, следует назвать И. С. Тургенева. Из письма Тургенева к П. В. Анненкову от 27 июня 1857 г. мы знаем, что знакомство его с Карлейлем произошло в Англии в конце мая этого года («Наша старина», 1915, № 1, стр. 78—79).

Отношение Герцена к Карлейлю носило более или менее устойчивый характер. В исторических произведениях Карлейля, например в «Истории французской

* avoir un grain de folie—галлицизм: «быть немного сумасшедшим», «тронутым».

** «Милостивый государь. Сожалею, что больше вас не видел: если ваши шаги направятся как-нибудь в эту сторону, около трех часов пополудни, — я буду очень рад новой встрече с вами. Искренне ваш Т. Карлейль» (англ.).

революции», Герцен отмечал поразительную художественность «картин» и одновременно полную несостоятельность основных точек зрения автора (VIII, 208). В 1867 г. Герцен писал, что у Карлейля только «...картины хороши, а рассуждения à la Jean-Paul Richter ins Blaue hinaus»* (XX, 38).

Франция после крушения революции 1848 года составляла одну из волнующих тем в беседах Герцена с Карлейлем в первые годы их знакомства. Другой темой, гораздо более острой, по крайней мере для одной из спорящих сторон, была Россия. В 1857 г., в одной из своих статей, Герцен мимоходом упомянул, что ему «случалось говорить об России» с «серьезными людьми», как Прудон, Мадзини и Карлейль (VIII, 491), а еще через два года опубликовал интереснейший документ — свою переписку с Карлейлем, возникшую в связи с этими спорами.

Поводом для обмена письмами была на этот раз посылка Герценом Карлейлю текста своей речи, произнесенной 27 февраля 1855 г. в С. Мартинс-Холле в Лондоне на интернациональном митинге в годовщину февральской революции. Герцен произнес речь на французском языке, Текст речи тогда же был напечатан отдельными брошюрами на французском и русском языках и появился на английском языке в газетах «The People Paper» (полностью) и «The Leader» (сокращенно) (VIII, 571). Какой именно текст был послан Карлейлю, документально не установлено; нужно думать, что Герцен послал отдельное французское издание речи, а не газетную вырезку. Карлейль ответил Герцену 13 апреля 1855 г. Через четыре года (в 1859 г.) Герцен напечатал этот ответ в «Полярной звезде» (1859, кн. 5, стр. 228—229)**. Письмо Карлейля помещено здесь в собственном переводе Герцена: английский текст опубликован не был и не входит в издания писем Карлейля. По свидетельству М. Гершензона, подлинник письма Карлейля находился в том составленном самим Герценом альбоме автографов, в котором были «вклеены по одному или по несколько писем к нему его знаменитейших современников» (М. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 278—279).

Сохранился ли этот альбом, принадлежавший наследникам Герцена, и если сохранился, то у кого и где — установить не удалось.

Карлейль писал Герцену: «Я прочел вашу речь о революционных началах и элементах в России; много в ней мощного духа и сильного таланта; она особенно поражает трагической серьезностью тона, которого нельзя не видеть и нельзя легко принять читателю, какого бы мнения он ни был о вашей программе и о вашем пророчестве России и миру».

«Что касается до меня,— продолжал Карлейль,— я признаюсь, что никогда не считал, а теперь (если это возможно) еще меньше, чем прежде, надеюсь на всеобщую подачу голосов во всех ее видоизменениях. Если она может принести что-нибудь хорошее, то это так, как воспаление в некоторых смертных болезнях».

Развивая свою мысль, Карлейль именовал далее всякую антиавторитарную политическую систему, в данном случае современный ему буржуазный парламентаризм, «чистой анархией», заявляя, что этой «чистой анархии, <...> развитой парламентским красноречием, свободой книгопечатания и счетом голосов», он готов предпочесть «самый царизм или даже великий туркизм», и кончал реакционной апологией «таланта повиновения» народных масс («*талант*, необходимый всем нациям, всем существам, и беспощадно требуемый от них всех под опасением наказаний,— *талант повиновения*»).

Карлейль явно впадает здесь в тот «удивительно неисторический апофеоз средневековья», который находили в его философствованиях Маркс и Энгельс. Определяя социально-политическое содержание основных произведений Карлейля, Маркс писал в 1850 г.:

«Томасу Карлейлю принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в эпоху, когда ее взгляды, вкусы и идеи заполнили всю официальную английскую литературу; причем выступления его носили иногда даже революционный характер. Это относится к его истории французской революции, к его апологии

* в манере Жана-Поля Рихтера и вздорны (франц. и нем.).

** Полностью перепечатано (без указания источника) Н. Барсуковым в книге «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. X, СПб., 1896, стр. 229—230.

Кромвеля, памфлету о чартизме, к «Past and Present»*. Но во всех этих произведениях критика настоящего тесно связана с удивительно неисторическим апофеозом средневековья, встречающимся, впрочем, часто и у английских революционеров, например, у Коббета и у одной части чартистов. В то время как в прошлом он восторгается, по крайней мере, классическими эпохами определенной фазы общественного развития**, настоящее приводит его в отчаяние, а будущее страшит» (Н. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Собр. соч., т. VIII, стр. 281).

Последние слова характеристики Маркса конкретизируются следующим замечанием Энгельса о Карлейле: «Февральская революция <1848 г.> превратила его в настоящего реакционера; справедливый гнев на филистеров сменился у него кислым филистерским брюзжанием...» (там же, т. III, стр. 507).

Герцен, естественно, должен был резко отрицательно отнестись к карлейлевской проповеди пассивности и застоя. Пережив после 1848 г. крушение своих надежд на европейскую революцию, Герцен, однако, в эти самые годы все сильнее начинал верить в грядущую революционную Россию. Поэтому, отвечая Карлейлю, Герцен со всей убежденностью и энергией противопоставил его реакционной апологии «таланта повиновения» революционный «талант борьбы». Это замечательное письмо Герцена, от 14 апреля 1855 г., хотя и опубликованное им самим по-русски, в 5 кн. «Полярной звезды», 1859 г. (стр. 229—230), к сожалению, не получило до сих пор той известности, которую оно заслуживает. По случайным, повидимому, причинам оно не вошло в «Полное собрание сочинений» под ред. Лемке и оказалось, вследствие этого, по существу, забытым. В «пражской коллекции» сохранилась авторская копия этого письма, которую мы и публикуем, сопровождая французский текст тем несколько свободным *авторским переводом*, который Герцен напечатал в «Полярной звезде».

Cholmondeley Lodge, Richmond. <14 avril 1855>

Monsieur,

Il m'est impossible de ne pas dire quelques mots concernant le sujet très intéressant que vous avez touché dans votre lettre — pour laquelle je vous remercie bien cordialement. Je n'ai jamais été enthousiaste du «suffrage universel». Le suffrage un<iversel>, (comme toute forme sans lien nécessaire avec le contenu n'est par elle-même ni bonne ni mauvaise) peut donner des résultats très absurdes. Le socialisme vise beaucoup plus loin qu'à faire l'addition numérique des voix et la soustraction des minorités pour apprécier la valeur arithmétique d'une loi. Le socialisme tend à découvrir les lois de l'organisation sociale la plus naturelle dans l'état donné à les antécédents historiques, à les réaliser. «Anarchie» — «Talent d'obéir» — tout cela demande des définitions; le vague, l'indéfini sont très dangereux. Si «Anarchie» veut dire désordre arbitraire, solution de la solidarité, non conformité à la raison — le socialisme le combat plus que la monarchie.

Le talent d'obéir en conformité avec notre conscience — est une vertu. Mais le talent de lutter lorsqu'on nous force à obéir contre la conviction — est aussi une vertu.

L'ordre de la nature — est la plus grande, la plus harmonieuse anarchie — c'est pour cela que la nature va d'elle-même. Ici le mot d'Anarchie ne signifie pourtant pas un tohu-bohu de caprices, d'excentricité. La logique c'est l'*anarchie de la pensée* — il ne faut pas d'*autorité* pour me convaincre que $2 \times 2 = 4$. La religion au contraire est la *monarchie* de la logique et demande outre le talent d'obéir, le talent de croire. Sans le talent de lutter — le monde en serait au Japon. Pas d'histoire, pas de développement.

* «Прошлое и настоящее» (англ.).

** Маркс имеет в виду, в частности, отношение Карлейля к английской революции XVII в. и к французской революции XVIII в.

«Toute puissance vient de Dieu», a dit l'apôtre Paul, ce citoyen romain insurgé, ce blasphémateur de S-te Diane d'Ephèse, ce démagogue de la via Appia, ce partageux — qui a été exécuté par César, qui justement ne lui trouvait pas assez de «talent d'obéissance».

Vous êtes trop philosophe pour ne pas me pardonner que je défende mes opinions tout en connaissant l'infériorité de mes forces.

Dès que je serai à Londres j'en profiterai pour venir vous voir et présenter mes respects à Madame. Je serai enchanté de vous voir dans mon ermitage de Richmond et de continuer, si vous le désirez, viva voce l'entretien.

Adieu

Alex. Herzen

14 avril <18>55

Автограф (авторская копия). ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 134.

Русский текст, напечатанный Герценом в «Полярной звезде»:

<Чомле-Лодж. Ричмонд. 14 апреля 1855 г.>

Позвольте вам сказать несколько слов о тех близких мне предметах, которые вы затронули в вашем письме.

Я никогда не был горячим поклонником *всеобщей* подачи голосов. Она, как всякая форма, не связанная с необходимым содержанием, может быть хороша и дурна, может привести к результатам счастливым или совершенно нелепым. Социализм идет дальше арифметического сложения и вычитания голосов, которыми определяют *числовое* достоинство закона. Социализм старается раскрыть законы наиболее естественного устройства общества и стремится к данным историческим условиям.

«Анархия», «талант повиновения» — все это очень смутно и требует большей определенности. Если анархия значит беспорядок, произвол, разрыв круговой поруки, разрыв с разумом, то социализм больше борется с ней, чем монархия...

Талант повиноваться в согласии с нашей совестью — *добродетель*. Но талант *борьбы*, который требует, чтоб мы не повиновались против нашей совести, — тоже добродетель!

Природа представляется нам самую огромною гармоническою анархией, и именно оттого-то в природе все в порядке, что идет само по себе. Разумеется, анархия в этом смысле не значит *tohu bohu*, путаница капризов, странностей. Признание анархии в мысли не значит освобождение ее от логики, но дело в том, что я не из *повиновения* говорю, что $2 \times 2 = 4$. Религия, совсем напротив, она как монархия требует не только талант разума, но и талант послушания и верования.

Без таланта борьбы и противодействия мир бы еще стоял на точке Японии. Не было бы ни истории, ни развития...

«Всякая власть от бога», сказал ап. Павел, а сам был мятежный гражданин римский, богохулец Дианы Ефесской, бродящий демагог на Via Appia, общинник (*partageux*), казненный Цезарем именно за то, что он у него не находил достаточно развитым «талант повиновения».

Вы как мыслитель должны извинить меня, что я против вас отстаиваю мои мнения, зная очень хорошо сравнительную слабость моих сил.

Как только я буду в Лондоне, непременно явлюсь с моим почтением к г-же Карлейль и очень буду рад вас видеть в моей Ричмондской пустыне для того, чтобы продолжать *viva* все наши споры.

Чомле-Лодж, 14 апреля 1855